

УДК 940.5

СПЕЦИФИКА ОККУПАЦИОННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ (1941 – 1944 гг.)

канд. ист. наук, доц. Е.А. ГРЕБЕНЬ

Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск

Проанализирована проводимая единая политика немецких оккупационных властей во всех административно-территориальных единицах. Подавляющее большинство нормативных актов немецкой гражданской и военной администрации концептуально не отличались между собой. Выявлены общие и отличающиеся аспекты повседневности Западной и Восточной Беларуси, которые проиллюстрированы на примере белорусского Подвинья.

Ключевые слова: повседневность, нацистская оккупация, Беларусь.

Введение. Немецкие оккупационные власти проводили одинаковую политику во всех административно-территориальных единицах. Подавляющее большинство нормативных актов немецкой гражданской и военной администрации концептуально не отличались между собой, за исключением редких локальных отличий. В то же время, учитывая, что западные и восточные регионы Беларуси в 1921 – 1939 гг. находились в составе государств с различными социально-экономическими и политическими системами, советизация Западной Беларуси в 1939 – 1941 гг. не смогла полностью нивелировать отличия в настроениях граждан, их жизни и быте), оккупационная повседневность имела свою специфику. Витебская область в современных границах до сентября 1939 г. входила в состав БССР и Польского государства. Документы коллаборационной администрации (городские, районные, волостные управы) дают возможность создать реальную картину оккупационной повседневности, реконструировать общие и различные моменты жизни и быта гражданского населения. В статье общее и различия проиллюстрированы на примере ряда районов белорусского Подвинья. Для сравнения использованы фонды волостных, районных и городской управы, которые содержат значительный массив документов, всесторонне характеризующих оккупационную повседневность.

Основная часть. На фоне одинаково негативного отношения к евреям оккупационной администрации тыла групп армий «Центр» и генерального округа Беларусь относительно западных районов информации о евреях содержится значительно больше. В предвоенный период еврейские специалисты доминировали в ряде сегментов экономики и немецкая гражданская администрация понимала, что их быстрая ликвидация, как это произошло на территории тыла групп армий «Центр», поставит под угрозу обеспечение специалистами местных предприятий и учреждений, поэтому специалисты-евреи регулярно упоминаются в служебной переписке Браславской районной управы, но отсутствуют в документах Лепельской [1, л. 11; 2, л. 2, 14].

Характеризуя на основании документов местной администрации масштабы партизанского движения, можно сделать вывод, что в восточных районах оно было более интенсивным. Партизаны здесь намного чаще фигурируют в донесениях сельских старост, волостных бургомистров и полиции, но и в западных районах главы низового звена местной администрации часто жаловались на репрессии со стороны партизан [3, с. 152–163; 4, л. 16; 5, л. 86; 6, л. 38; 7, л. 2, 5, 7, 11].

Функционирование судебной системы можно реконструировать на основании документов Витебского мирового суда, Лепельского районного и окружного судов. В частности, имеются статистические данные о работе Витебского мирового и Лепельского районного судов, информация о вопросах, входящих в его компетенцию, порядок комплектования суда [8, л. 3; 9, л. 126–127]. Сохранилось значительное количество документов (заявления граждан, протоколы заседаний и постановления судов), характеризующих конфликтные ситуации между гражданами и организациями, которые разрешались в судах: иски о принадлежности движимого и недвижимого имущества, в том числе имущества репрессированных советскими властями лиц, иски о расторжении браков и взыскании алиментов и др. [10, л. 5, 16, 17; 11, л. 1–7; 12, л. 1–12; 13, л. 1–4]. Документы судебных инстанций западных районов Подвинья не сохранились.

Источники дают возможность сравнить пенитенциарную систему западных и восточных районов Подвинья. Сохранилось множество карательных постановлений Витебской комендатуры и начальника Браславской районной управы, отчеты фельджандармерии, распоряжение Глубокского гебитскомиссара относительно карательных полномочий районных начальников [14, л. 6, 7; 15, л. 44]. Они позволяют выявить основные виды правонарушений, совершавшиеся гражданами в период оккупации (хулиганство, появление в общественных местах в нетрезвом виде, нарушение общественного порядка, присвоение частной или государственной собственности, самогоноварение и др.), а также способ наказания (штраф,

тюремное заключение различной продолжительности, телесные наказания) [16, л. 14, 24, 27, 41, 69; 17, л. 4, 5; 18, л. 21, 65, 97; 19, л. 2, 4, 6, 9; 20, л. 4–7, 18, 23, 23 об.; 21, л. 6, 7].

Анализ источников позволяет сделать вывод о сопоставимом уровне и типичных видах правонарушений в различных административно-территориальных единицах Подвинья. В то же время заявления граждан в органы местной администрации и документы полиции показывают различия в причинах межличностных конфликтов жителей западных и восточных районов. Если на территории тыла группы армий «Центр» преобладали конфликтные ситуации, спровоцированные социально-экономическими проблемами, то в Западной Беларуси межличностные конфликты имели ярко выраженную политическую окраску и являлись продолжением конфликтов предвоенной эпохи, когда граждане обвиняли своих оппонентов в симпатиях к советской власти [22, л. 16; 23, л. 2, 8; 24, л. 2, 3; 25, л. 1–2; 26, л. 2, 2 об., 3, 16, 16 об., 17, 17 об.].

Сохранившаяся база источников дает представление о материальном положении гражданского населения. Из документов Лепельской, Оршанской и Браславской районных управ видны мизерные нормы продуктов, выделяемых горожанам по карточкам, проблемы с переработкой продуктов питания на предприятиях пищевой промышленности, использование суррогатов в выдаваемых гражданам продуктах [9, л. 145, 146; 27, л. 17; 28, л. 24; 29, л. 25, 28]. В Браславе, Витебске, Орше были открыты столовые, в которых обслуживались сотни малоимущих горожан [30, л. 2–66, 69–72, 74–79 об., 90–94 об.; 28, л. 33; 31, л. 9]. На примере служебной переписки Витебской и Оршанской городских управ видно бедственное положение инвалидов, пенсионеров и воспитанников детских домов (мизерный размер пенсий, высокая смертность социально уязвимых категорий граждан, скудный рацион питания и др.) [32, л. 1–2; 33, л. 13; 34, л. 1, 4, 9, 12, 15, 23, 27; 35, л. 32, 32 об.; 36, л. 37]. Органы местной администрации повсеместно получали огромное количество прошений малоимущих граждан о выделении им материальной помощи, продуктов питания, одежды и обуви, снижении налогов [30, л. 79, 79 об.; 37, л. 102; 38, л. 7; 39, л. 72, 74, 75; 40, л. 117; 41, л. 9–218]. Во всех административно-территориальных единицах оккупационные власти использовали материальные ресурсы граждан, инициируя добровольно-принудительный сбор продуктов питания, одежды и обуви для нужд вермахта, узников концентрационных лагерей и социально уязвимых категорий населения [40, л. 72; 42, л. 28; 43, л. 1; 44, л. 179; 45, л. 11; 46, л. 12 об., 59]. В целом условия жизни и быта подавляющей части гражданского населения были типичными независимо от региона.

Бедственное материальное положение граждан усугублялось сложной санитарно-эпидемической ситуацией и ограниченными возможностями получения медицинской помощи. Нормативные акты немецкой и местной администрации, регламентировавшие санитарные мероприятия, издавались на протяжении всего периода оккупации и не имели существенных отличий в зависимости от региона. Повсеместно власти запрещали складировать нечистоты в неустановленных местах, требовали, чтобы частные лица, рабочие и служащие регулярно очищали дворы и улицы, боролись с грызунами и насекомыми [47, л. 28; 46, л. 17, 17 об.; 48, л. 49, 60; 1, л. 16; 49, л. 8]. Для предотвращения распространения инфекционных заболеваний проводились карантинные мероприятия [40, л. 16, 15].

Одной из стратегий выживания граждан в экстремальных условиях оккупации являлись ремесло и торговля. Фрагментарные сведения о работе ремесленников и торговцев встречаются в фондах Браславской, Лепельской районных, Оршанской городской управ, но наиболее полно база источников, иллюстрирующая регламентацию порядка осуществления ремесленной деятельности, сохранилась в фонде Витебской городской управы [50, л. 16; 46, л. 8; 51, л. 11; 9, л. 143, 144; 52, л. 1–9; 53, л. 4–10]. Документы позволяют реконструировать порядок получения гражданами патента на ремесленную деятельность, показывают спектр ремесленных предприятий, предоставляемые населению услуги и цены на них, доходы предпринимателей, систему налогообложения и уклонение граждан от налогов [54, л. 51–52 об.; 55, л. 3–12; 56, л. 12, 13; 57, л. 6, 14, 25, 49, 57; 58, л. 1, 3, 4, 6, 7; 59, л. 1–4; 60, л. 1–6].

На примере распоряжений Глубокского гебитскомиссара, Браславской, Оршанской, Городокской, Витебской, Лепельской районных и городских управ, Витебской комендатуры можно реконструировать порядок организации торговли на рынках и в торговых предприятиях. Оккупационные власти регламентировали количество базарных дней, разрешенные и запрещенные для реализации товары, цены, превышать которые категорически запрещалось [61, л. 50; 62, л. 52; 40, л. 21, 19; 50, л. 4, 24, 27; 63, л. 24–27]. Документы немецкой и местной администрации показывают, что, вопреки запретам, граждане игнорировали официальные цены и практиковали обменные операции; лица, постоянно торгующие на рынках, пренебрегали требованием получить патент [63, л. 8; 64, л. 136; 65, л. 1–9].

Интерес представляют распоряжения командования тылом группы армий «Центр» о максимально полном и рациональном использовании земельного фонда, регламентация эксплуатации бесхозных полей, пояснения относительно введения частной собственности на землю, инструкции об отводе горожанам земель под огороды как свидетельство сложнейшей ситуации в деле обеспечения городского населения продуктами питания. Оккупационная администрация фактически перекладывала проблему обеспечения горожан продуктами на них же самих [46, л. 23 об.; 14–15 об.; 61, л. 554; 66, л. 1; 67, л. 22; 68,

л. 138–139; 69, л. 1]. Поскольку возможность пользования землей являлась в условиях оккупации одной из стратегий выживания, документы иллюстрируют конфликтные ситуации между гражданами в сфере землепользования [70, л. 3; 69, л. 2]. Имеются сведения о размере земельных участков в крестьянских общинах западной и восточной Витебщины [71, л. 44; 72, л. 101–106].

В восточных регионах преобладали документы относительно взимания натуральных налогов в пользу оккупационных властей: видны размер налогов, способы изъятия властями продуктов у крестьян, уклонявшихся от сдачи, прошения граждан об уменьшении размера натурального налога вследствие конфискации продуктов вермахтом или реквизиций партизан [46, л. 58 об.; 73, л. 14–15; 74, л. 49, 14, 25, 25 об.]. В сельские и волостные управы поступали заявления о компенсации отработанных до войны трудодней в колхозе [74, л. 12, 12 об.]. Чтобы крестьяне максимально полно выполняли поставки государству продуктов, оккупационные власти ввели систему стимулирования, обещая выдачу крестьянам дефицитных промтоваров за сельскохозяйственную продукцию [44, л. 147; 75, л. 1].

В Западной Беларуси доминировало подворное землепользование, поэтому документы иллюстрируют специфические моменты землепользования в западных регионах. В частности, имеются сведения о выделении крестьянским хозяйствам, испытывавшим дефицит рабочих рук, советских военнопленных на время проведения сельскохозяйственных работ, заявления граждан о санкционировании найма рабочей силы [76, л. 15; 77, л. 43]. Стремление оккупационных властей максимально полно эксплуатировать земельные ресурсы видно и в западных районах. В частности, здесь практиковалось назначение кураторов над хозяйствами, оставшимися без мужчин, которые могли быть мобилизованы в армию, репрессированы в довоенный период. В западных районах крестьянские хозяйства делились между родственниками после смерти или при жизни владельца [78, л. 10, 10 об.; 72, л. 14, 18, 43, 54]. В условиях оккупации уточнялись вопросы принадлежности земли, не урегулированные до войны [72, л. 47, 131]. В документах администрации западных районов регулярно встречаются сведения о размере налогов, прошения крестьян о пересмотре размера налогообложения и прошения о переводе части земли в другую категорию, от чего зависел размер поземельного налога [72, л. 25, 25 об. 52, 52 об.; 79, л. 1, 1 об.; 40, л. 69].

Документы органов местной власти восточных районов поясняют процесс раздела колхозного стада и передачи скота гражданам в пользование [80, л. 33, 33 об.; 74, л. 9, 2, 10, 67]. Колхозный скот мог присваиваться также во время эвакуации в период оборонительных боев летом 1941 г. [80, л. 56, 56 об.]. Для восточных регионов был также характерен процесс регистрации приобретенного до войны скота в органах местной администрации, поскольку незарегистрированные животные рассматривались как незаконно приобретенные и конфисковывались. Документы показывают порядок учета скота, размер налогообложения, обязательное страхование тяглого скота [81, л. 1–9; 82, л. 5–8; 83, л. 110; 84, л. 58; 85, л. 4, 5, 13, 15, 17; 86, л. 15]. Порядок страхования тяглой силы иллюстрируют также документы Миорской волостной управы [72, л. 36]. Независимо от региона встречаются документы, регламентирующие порядок продажи скота гражданами [78, л. 20; 83, л. 1–1 об.].

Общими моментами для западных и восточных регионов являлись регулярные реквизиции скота вермахтом и, как следствие, дефицит тяглой силы в крестьянских хозяйствах, привлечение коневладельцев к гужевой повинности [36, л. 30, 44, 30; 87, л. 16; 88, л. 30, 30 об.; 89, л. 1; 90, л. 39]. Во всех оккупационных административно-территориальных единицах проводилась перепись скота и птицы в крестьянских хозяйствах [91, л. 242; 92, л. 149; 71, л. 44, 12; 42, л. 90]. Для максимально полной обработки земли повсеместной практикой было перераспределение лошадей между крестьянскими хозяйствами и закрепление за одной лошадкой нескольких хозяйств, что порождало многочисленные конфликтные ситуации между крестьянами [77, л. 13; 74, л. 100, 100 об., 85, 106, 107, 109; 42, л. 40].

Можно предположить, что в восточных регионах, где до войны доминировали колхозы, конское поголовье было значительно ниже, нежели в индивидуальных крестьянских хозяйствах западных районов, поскольку только в отношении восточных регионов оккупационная администрация рекомендовала крестьянам обучить коров к хождению в упряжке [71, л. 51, 10]. В фондах волостных управ Полоцкого, Верхнедвинского, Лепельского, Толочинского, Городокского районов и Витебской городской управы содержится множество документов, иллюстрирующих изъятие скота и птицы в рамках обязательных натуральных налогов в пользу оккупационных властей и саботирование гражданами этих поставок [80, л. 36, 36 об.; 21, л. 69; 46, л. 58; 93, л. 14; 74, л. 63, 114; 94, л. 1–17; 95, л. 5]. Имеющиеся источники также позволяют реконструировать работу ветеринарных служб периода оккупации, мероприятия местной администрации, направленные на борьбу с эпизоотией [33, л. 12; 9, л. 136–137; 96, л. 4; 97, л. 18; 46, л. 174–174 об.].

Заключение. Таким образом, несмотря на то что в перспективных планах нацистов всем регионам Беларуси была уготована одна участь, специфика довоенной социально-экономической и общественно-политической ситуации в западной и восточной ее частях проявлялась и в условиях оккупации. В частности, в западных районах немецкая гражданская администрация стремилась максимально долго использовать труд еврейских рабочих. При сопоставимых с восточными районами масштабах преступности и коли-

честве межличностных конфликтов, в западных районах многие из них приобретали характер сведения счетов между гражданами за обиды, причиненные друг другу в период польской и советской власти. В восточной части Беларуси в сфере землепользования в документах местных органов власти преобладают вопросы, связанные со сбором натуральных налогов, реквизициями, тогда как в районах, находившихся до 1939 г. в составе Польши, крестьян-единоличников в первую очередь волновали вопросы кураторства над землей, проблема реституции национализированной собственности, получения рабочей силы, изменения структуры налогообложения, раздела землевладений. Административная переписка органов местной администрации западных районов содержит меньше сведений о действиях партизан, тогда как в восточных районах партизаны регулярно фигурируют в документах местной администрации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Витебской области (далее ГАВт). – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 245.
2. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 46.
3. Гребень, Е.А. Партизанское движение на Витебщине в служебной переписке полиции / Е.А. Гребень // Віцебшчына ў гады Вялікай Айчыннай вайны : зб. навук. арт. / склад.: А.А. Крыварот [і інш.] ; рэдкал.: А.А. Каваленя (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2015. – С. 152 – 163.
4. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 14.
5. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 19.
6. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 15.
7. ГАВт. – Ф. 2843. Оп. 1. Д. 15.
8. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 8. Д. 486.
9. ГАВт. – Ф. 2088. Оп. 2. Д. 2.
10. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 8. Д. 485.
11. ГАВт. – Ф. 2090. Оп. 1. Д. 4.
12. ГАВт. – Ф. 2090. Оп. 1. Д. 3.
13. ГАВт. – Ф. 2091. Оп. 1. Д. 3.
14. ГАВт. – Ф. 2847. Оп. 1. Д. 2.
15. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 59.
16. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 157.
17. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 159.
18. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 162.
19. ГАВт. – Ф. 2155. Оп. 1. Д. 2.
20. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 8. Д. 504.
21. ГАВт. – Ф. 2134. Оп. 1. Д. 16.
22. ГАВт. – Ф. 2084. Оп. 1. Д. 5.
23. ГАВт. – Ф. 2134. Оп. 1. Д. 12.
24. ГАВт. – Ф. 2843. Оп. 1. Д. 2.
25. ГАВт. – Ф. 2843. Оп. 1. Д. 3.
26. ГАВт. – Ф. 2843. Оп. 1. Д. 4.
27. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 237.
28. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 68.
29. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 4. Д. 62.
30. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 11.
31. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 12.
32. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 4. Д. 13.
33. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 181.
34. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 4. Д. 6.
35. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 10.
36. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 10.
37. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 1. Д. 1.
38. ГАВт. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 203.
39. ГАВт. – Ф. 2088. Оп. 1. Д. 51.
40. ГАВт. – Ф. 2841. Оп. 1. Д. 1.
41. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 7.
42. ГАВт. – Ф. 2823. Оп. 1. Д. 3.
43. ГАВт. – Ф. 2094. Оп. 1. Д. 1.
44. ГАВт. – Ф. 2823. Оп. 1. Д. 1.
45. ГАВт. – Ф. 2088. Оп. 1. Д. 22.
46. ГАВт. – Ф. 2088. Оп. 2. Д. 1.
47. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 15.
48. ГАВт. – Ф. 2088. Оп. 1. Д. 6.
49. ГАВт. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 99.
50. ГАВт. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 232.
51. ГАВт. – Ф. 2088. Оп. 1. Д. 56.

52. ГАВТ. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 90.
53. ГАВТ. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 178.
54. ГАВТ. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 182.
55. ГАВТ. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 183.
56. ГАВТ. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 111.
57. ГАВТ. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 139.
58. ГАВТ. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 180.
59. ГАВТ. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 151.
60. ГАВТ. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 1217.
61. ГАВТ. – Ф. 2086. Оп. 1. Д. 9.
62. ГАВТ. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 6.
63. ГАВТ. – Ф. 2113. Оп. 1. Д. 1.
64. ГАВТ. – Ф. 2116. Оп. 1. Д. 1.
65. ГАВТ. – Ф. 2091. Оп. 1. Д. 9.
66. ГАВТ. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 235.
67. ГАВТ. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 2.
68. ГАВТ. – Ф. 2087. Оп. 2. Д. 1.
69. ГАВТ. – Ф. 2074. Оп. 2. Д. 4.
70. ГАВТ. – Ф. 2074. Оп. 1. Д. 5.
71. ГАВТ. – Ф. 2086. Оп. 1. Д. 8.
72. ГАВТ. – Ф. 2840. Оп. 1. Д. 1.
73. ГАВТ. – Ф. 2089. Оп. 1. Д. 2 А.
74. ГАВТ. – Ф. 2833. Оп. 1. Д. 1.
75. ГАВТ. – Ф. 2833. Оп. 1. Д. 2.
76. ГАВТ. – Ф. 2847. Оп. 1. Д. 19.
77. ГАВТ. – Ф. 2849. Оп. 1. Д. 4.
78. ГАВТ. – Ф. 2849. Оп. 1. Д. 3.
79. ГАВТ. – Ф. 2849. Оп. 1. Д. 6.
80. ГАВТ. – Ф. 2115. Оп. 1. Д. 1.
81. ГАВТ. – Ф. 2073. Оп. 1. Д. 127.
82. ГАВТ. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 16.
83. ГАВТ. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 126.
84. ГАВТ. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 111.
85. ГАВТ. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 2.
86. ГАВТ. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 142.
87. ГАВТ. – Ф. 2134. Оп. 1. Д. 6.
88. ГАВТ. – Ф. 2134. Оп. 1. Д. 12.
89. ГАВТ. – Ф. 2086. Оп. 1. Д. 5.
90. ГАВТ. – Ф. 2077. Оп. 1. Д. 5.
91. ГАВТ. – Ф. 2135. Оп. 1. Д. 4.
92. ГАВТ. – Ф. 2134. Оп. 1. Д. 10.
93. ГАВТ. – Ф. 2092. Оп. 1. Д. 95.
94. ГАВТ. – Ф. 2073. Оп. 2. Д. 196.
95. ГАВТ. – Ф. 2073. Оп. 8. Д. 487.
96. ГАВТ. – Ф. 2134. Оп. 1. Д. 8.
97. ГАВТ. – Ф. 2848. Оп. 1. Д. 9.

**THE SPECIFICS OF EVERYDAY LIFE UNDER OCCUPATION IN WESTERN
AND EASTERN BELARUS (1941 – 1944)**

Y. HREBEN

The German occupation authorities carried out unified policy in all administrative territorial units. The vast majority of normative acts of the German civil and military administration does not differ conceptually from one another. Common and different aspects of daily life in Western and Eastern Belarus are illustrated by the examples taken from the Belarusian region around Dvina River.

Keywords: *everyday life, the Nazi occupation, Belarus.*